

АМЕРИКА

I. Кочегар

Когда семнадцатилетний Карл Росман, высланный родителями в Америку за то, что его соблазнила забеременевшая от него служанка, на усталом, замедляющем ход корабле плавно входил в нью-йоркскую гавань, он вдруг по-новому, будто в неожиданной вспышке солнечного света увидел статую Свободы, на которую смотрел давно, еще издали. Казалось, меч в ее длани только-только взмыл ввысь, а всю фигуру овевают вольные ветры.

«Высоченная!» — подумал он, вовсе не торопясь на берег и даже не заметив, как хлынувшая на палубу толпа носильщиков мало-помалу оттеснила его к самым бортовым поручням.

Молодой человек, с которым они мельком познакомились в дороге, проходя мимо, спросил:

— Вы что же, сходить не думаете?

— Да я-то готов, — ответил Карл с усмешкой и, то ли из озорства, то ли просто от избытка молодых сил, вскинул чемодан на плечо.

Но, едва глянув вслед своему знакомцу, который уже удалялся вместе со всеми, небрежно поигрывая тросточкой, Карл вдруг вспомнил, что оставил внизу свой зонтик. Карл тотчас же окликнул молодого человека и попросил о любезности — тот, похоже, не слишком-то был обрадован просьбой — присмотреть за чемоданом, а сам, наскоро оглядевшись, чтобы запомнить место, поспешил вниз. Там, однако, он, к досаде своей, обнаружил, что проход, которым скорее всего можно было добраться, впервые за время поездки почему-то — очевидно, в связи с выгрузкой пассажиров — заперт, и в поисках другой дороги пустился плутать по лабиринту комнат, кают, залов, по бесконечным, к тому же петляющим, коридорам, по лестницам, хоть и не длинным, но многочисленным, миновал чей-то пустой кабинет с покинутым письменным столом посередине, покуда не понял — ведь он и ходил-то прежде этим путем всего раз или два, да и то не один, а в компании, — что и вправду окончательно заблудился. От растерянности — ибо вокруг не было ни души, только слышалось над головой шарканье тысяч ног да еще, откуда-то издали, слабый, как дыхание, уже стихающий гул застопоренных машин —

он, не долго думая, принялся колотить в первую попавшуюся дверь, на которую наткнулся в своих блужданиях.

— Да открыто! — послышалось изнутри, и Карл со вздохом облегчения распахнул дверь. — Что вы колотите как сумасшедший? — недовольно спросил здоровенный мужчина, толком даже не взглянув на Карла.

Через отверстие в потолке тусклый, как бы уже отработанный наверху свет сочился в убогую клетушку, где, тесно прижатые друг к другу, громоздились, словно в кладовке, койка, шкаф, стул и этот мужчина.

— Я заблудился, — признался Карл. — В дороге я как-то не замечал, а это, оказывается, жутко большой корабль.

— Да, тут вы правы, — не без гордости согласился мужчина, не переставая возиться с замком небольшого чемодана, на крышку которого он налегал в предвкушении долгожданного щелчка. — Входите же, — сказал он нетерпеливо. — Нечего на пороге стоять.

— А я не помешаю? — спросил Карл.

— Да чем вы можете помешать?

— Вы — немец? — на всякий случай осведомился Карл, насыщенный об опасностях, которые подстерегают в Америке новопривывших, особенно со стороны ирландцев.

— Немец, немец, — подтвердил мужчина.

Карл все еще колебался. Внезапно мужчина потянулся к дверной ручке и одним рывком прикрыл дверь, впихнув таким образом Карла в каюту.

— Терпеть не могу, когда на меня глазают из коридора, — буркнул он, снова принимаясь за непокорный чемодан. — И вот, понимаешь, ходят-глазеют, никакого терпения не хватит.

— Но в коридоре-то никого нет, — удивился Карл, в неудобной позе притиснутый к краю койки.

— Это сейчас никого, — раздраженно возразил мужчина.

«Так ведь и речь о том, что сейчас, — мысленно удивился Карл. — С ним, однако, непросто договориться».

— А вы ложитесь на койку, там просторней, — посоветовал мужчина.

С грехом пополам Карл влез на койку и тут же рассмеялся над своей тщетной попыткой покачаться на сетке. Но, не успев толком лечь, спохватился:

— Господи, я же совсем забыл про чемодан!

— А где он?

— На палубе, знакомый один там его стережет. Как же его зовут? — И, порывшись в потайном кармане, который мама нашла

в дорогу на подкладку пиджака, Карл извлек оттуда визитную карточку.

— Вот, Буттербаум. Франц Буттербаум.

— Чемодан очень вам нужен?

— Конечно.

— Тогда зачем же вы доверили его чужому человеку?

— Я зонтик внизу забыл, ну и побежал, а чемодан тащить не хотелось. А теперь вот еще и заблудился.

— Вы один едете? Без взрослых?

— Один. — «Наверно, стоит держаться этого человека, — мелькнуло у Карла, — более надежного друга мне здесь так сразу все равно не найти».

— А теперь еще чемодан потеряли. О зонтике я уже не говорю. — Мужчина уселся на стул, словно положение Карла только сейчас до некоторой степени стало его занимать.

— Ну, чемодан-то, наверное, еще не пропал.

— Блажен, кто верует, — хмыкнул мужчина и энергично запустил руку в свои темные, короткие и очень густые волосы. — На корабле, знаете ли, какой порт — такие и нравы. В Гамбурге этот ваш Буттербаум, может, еще и посторожил бы чемодан, а здесь, скорей всего, обоих и след простыл.

— Но тогда мне надо бежать! — вскинулся Карл, воображая, как бы поскорее выбраться.

— Да лежите вы! — распорядился мужчина и прямо-таки грубо толкнул Карла в грудь, укладывая обратно на койку.

— Это почему же? — запротестовал Карл, начиная злиться.

— Потому что смысла нет, — пояснил мужчина. — Скоро я тоже пойду, вместе и выйдем. А чемодан либо уже украли, и тогда дело дрянь, можете оплакивать его хоть до скончания века, либо этот ваш приятель его стережет, тогда он совсем дурак и пусть постережет еще; ну а если он просто порядочный человек, значит чемодан оставил, а сам ушел, народ к тому времени схлынет, легче найдем. И зонтик ваш тоже.

— А вы хорошо знаете корабль? — спросил Карл недоверчиво, ибо в доводах незнакомца, вообще-то здравых, — дескать, на пустом корабле вещи отыскать легче, — ему почудился некий подвох.

— Так я же тут кочегар, — ответил тот.

— Вы — корабельный кочегар? — вскричал Карл с таким восторгом, будто эта новость превзошла все его ожидания, и даже привстал на локте, рассматривая мужчину во все глаза. — Около каюты, где мы спали со словаком, был такой люк, и можно было заглянуть в машинное отделение.

— Ну да, там я и работал, — подтвердил кочегар.

— А я всегда техникой интересовался, — продолжил Карл, все еще думая о своем. — И обязательно стал бы инженером, если бы не пришлось в Америку отправиться.

— Зачем же тогда отправились?

— Да так, — уклончиво ответил Карл, взмахом руки отменяя все дальнейшие объяснения.

— Значит, была причина, — рассудил кочегар, и было не ясно, то ли он хочет, чтобы Карл об этой причине рассказал, то ли наоборот.

— Теперь вот и я могу стать кочегаром, — сказал Карл. — Моим родителям уже все равно, кем я стану.

— Мое место освобождается, — сообщил кочегар, демонстративно засунул руки в карманы своих мятых, стального цвета дерюжных штанов и, вытянув ноги, забросил их на койку. Карлу пришлось потесниться к стене.

— Вы уходите с корабля?

— Так точно, сегодня отчаливаю.

— Но почему? Вам что, не нравится здесь?

— В том-то и штука, что нашего брата не больно спрашивают, нравится ему или нет. Хотя, вообще-то, вы правы, да, мне здесь не нравится. Вы, конечно, не всерьез в кочегары надумали, но учтите, именно так проще всего в кочегары и угодить. Только я вам решительно не советую. Коли вы в Европе хотели учиться — почему бы здесь вам не хотеть того же. Американские университеты даже куда лучше.

— Так-то оно так, — согласился Карл. — Но на это деньги нужны, а у меня их считай что нет. Правда, у кого-то я читал, что днем он работал, а ночами учился, пока не стал доктором наук и, кажется, даже бургомистром. Но ведь это какое терпение нужно, верно? А у меня, боюсь, терпения не хватит. Да и учился я не особенно хорошо и, честно сказать, не очень-то горевал, когда пришлось школу бросить. А здесь, наверно, в школах еще строже. И английского я почти не знаю. К тому же иностранцев тут, по-моему, не слишком-то жалуют.

— А, вы тоже, значит, это заметили? Ну, тогда все в порядке. Тогда вы свой человек. Сами посудите, ведь мы на немецком корабле, компания «Гамбург — Америка», почему же, спрашивается, здесь работают не одни только немцы? Почему главный механик — румын? Шубаль его фамилия. Это же неслыханно. Нами, немцами, на немецком корабле помыкает эта скотина! Вы не подумайте, — тут у него от возмущения даже дыхание перехватило, и он замахал руками, — не подумайте, что я вас разжалобить хочу. Я же вижу, вы не

бог весть какая птица и сами паренек небогатый. Но уж больно все это мерзко! — С этими словами он несколько раз пристукнул кулаком по столу, не спуская глаз с точки, по которой бил. — Ведь я на стольких кораблях служил! — Тут он одним духом выпалил подряд названий двадцать, Карл совсем запутался. — И отлично служил, меня хвалили, я был честный работник моих капитанов, а на торговом паруснике я даже несколько лет проходил, — тут он привстал, словно торговый парусник был вершиной его жизни, — а здесь, в этом гробу, где все по струночке, где и пошутить нельзя, — здесь я, выходит, ни на что не гожусь, только болтаюсь у Шубаля под ногами, здесь я лодырь, которого давно пора выгнать, а жалованье получаю только из милости. Вы можете это понять? Я — нет.

— Вы не должны этого так оставлять, — сказал Карл взволнованно. Он почти забыл, где находится: шаткий пол корабля, незнакомый континент за бортом — все куда-то ушло, так уютно было ему на койке у кочегара. — А у капитана вы были? У него искали защиты?

— Эх, шли бы вы, шли бы вы лучше! Зачем вы мне здесь? Не слушаете, что вам говорят, а еще лезете с советами! Ну как, как я пойду к капитану?

И кочегар снова как-то обреченно сел, спрятав лицо в ладонях.

«Лучшего совета я ему дать не могу», — подумал Карл. И вообще, решил он, куда умнее, пока не поздно, сходить за чемоданом, чем давать здесь советы, которые вдобавок считают дурацкими. Когда отец на прощанье вручил ему чемодан, он как бы в шутку заметил: «Долго ли он у тебя проживет?..» — и теперь вот действительно этот чемодан, верный его попутчик, кажется, уже не в шутку, а по-настоящему потерян. Тут, пожалуй, только одно утешение — что отец ничего о пропаже не узнает, как не узнает и о нем самом, даже если вздумает наводить справки. До Нью-Йорка добрался — вот и все, что ему в корабельной компании сообщат. Жаль только, что были в чемодане и почти не ношенные вещи, хотя ему, к примеру, давно бы пора сменить рубашку. Выходит, он проявил бережливость не там, где надо; именно сейчас, на пороге самостоятельной жизни, когда просто необходимо опрятно выглядеть, он будет щеголять в грязной рубашке. Хорошее начало, нечего сказать! Если бы не это, потерю вполне можно пережить, костюм на нем даже лучше, чем тот, что в чемодане, тот костюм вообще на черный день, мама перед самым отъездом срочно его штопала. Однако тут он вспомнил, что в чемодане осталась еще палка копченой колбасы, веронская салями, мама в последнюю минуту успела ему эту колбасу тайком сунуть, он и отрезал-то всего ничего, есть почему-то всю

дорогу не хотелось, и супа, что раздавали на полупалубе, ему хватало за глаза. Но теперь колбаса была бы очень даже кстати, он подарил бы ее кочегару. Таких людей легко расположить, подсунув им любую мелочь, Карл хорошо это знал по отцу, тот всех низших чинов, с которыми приходилось иметь дело, задабривал сигаретами. Теперь же из того, что можно подарить, у Карла остались только деньги, но деньги он пока что — тем более раз уж он и чемодана вроде бы лишился — трогать не будет. Мысли его снова вернулись к чемодану, и теперь он и вправду не мог уразуметь, чего ради всю дорогу за этот чемодан трясся, почти не спал из-за него, если потом так вот запросто отдал его в чужие руки. Он вспомнил, как пять ночей подряд глаз не смыкал, а все из-за маленького словака, который спал через две койки слева, — Карл наверное знал, что тот на его чемодан зарится. Казалось, он только и ждет, когда Карл, сморенный усталостью, на секунду задремлет, чтобы длинной тростью — он день-деньской с этой тростью то ли играл, то ли упражнялся — перетянуть чемодан к себе. Днем-то этот словак выглядел вполне безобидно, но с наступлением ночи он то и дело приподнимался с койки и грустно так поглядывал на чемодан. Карлу-то все было видно, благо то тут, то там кто-то из пассажиров, снедаемый страхом неизвестности, зажигал свечу, хоть это и строжайше запрещено корабельным распорядком, и с тревогой вчитывался в загадочные проспекты американских агентств по приему эмигрантов. Если свечка горела поблизости, Карл мог ненадолго прикорннуть, если же свет был далеко или его вообще не было, приходилось смотреть в оба. Вся эта нервотрепка основательно его измотала. А теперь, кажется, эти мучения еще и зазря. Ну уж этот Буттербаум, попадется он ему когда-нибудь!

В этот миг откуда-то издали незыблемую прежде тишину разорвал странный, размеренный стук — точно от множества детских ног, однако стук приближался, нарастал и вскоре превратился в дробный и тяжелый мужской топот. Очевидно, люди шли гуськом, что, пожалуй, в узком коридоре только естественно, но теперь к их топоту добавился лязг, похожий на бряцание оружия. Карл, блаженно растянувшийся на койке, чуть было не погрузился в глубокий сон, готовый позабыть и словака, и чемодан, и все на свете, но сейчас встрепенулся и даже успел слегка подтолкнуть кочегара — тот, казалось, не слышит грозного шествия, которое тем временем почти достигло их двери.

— Корабельный оркестр, — пояснил тот. — Играли наверху, теперь идут укладываться. Значит, и нам пора. Пойдемте.

Он подхватил Карла под руку, в последнюю минуту снял со стены над койкой образок Богоматери, запихнул его в нагрудный карман, схватил чемодан и вместе с Карлом решительно вышел из каюты.

— А теперь я пойду в кают-компанию и выложу этим господам все, что я о них думаю. Пассажиров нет, церемониться нечего. — На все лады повторяя на ходу последние слова, он попытался придавить ногой перебежавшую им дорогу крысу, но только слегка задел и, по сути, подтолкнул ее в нору, до которой та вовремя успела добраться. Он вообще был неповоротлив на своих хоть и длинных, но каких-то тяжелых, непослушных ногах.

Они прошли через отсек, где была кухня: несколько девушек в грязных передниках — они нарочно их намочили — в большом чане мыли посуду. Одну из них, некую Лину, кочегар подозвал и, обхватив чуть ниже талии, — она в ответ игриво прижалась к его плечу, — попытался увести с собой.

— Там жалованье дают, пойдешь? — спросил он.

— Вот еще, стану я утруждаться. Лучше ты мне сам принеси, — ответила та, выскользнула у него из-под руки и убежала. — Где это ты подхватил такого красавчика? — крикнула она на бегу и, не дожидаясь ответа, скрылась на кухне. Было слышно, как все девушки, видимо на время прервавшие работу, дружно рассмеялись.

Они же с кочегаром пошли дальше и вскоре уперлись в массивную дверь с изящным фронтоном, который поддерживали миниатюрные позолоченные кариатиды. Для корабельной оснастки все это выглядело весьма расточительно. Карл, как он успел заметить, в этой части судна за время поездки ни разу не был: вероятно, она предназначалась лишь для пассажиров первого и второго классов, но сейчас, перед генеральной уборкой, видимо, двери были настежь и ограничения сняты. Им и точно уже попались навстречу несколько матросов со швабрами через плечо, они поздоровались с кочегаром. Карл дивился размаху работ и обилию помещений — у себя на полупалубе он, разумеется, не много успел увидеть. По стенам коридоров змейками тянулись электрические провода, а где-то вдали то и дело позвякивал небольшой колокол.

Кочегар, подобравшись и приосанившись, постучал в дверь и, когда оттуда послышалось «Войдите!», жестом пригласил Карла: мол, смелее. И Карл вошел, но на пороге невольно остановился. Разом из трех огромных окон на него ласково плеснули волны моря, и от их веселого, беззаботного бега у него сильнее забилося сердце, будто и не было пяти долгих, нескончаемых дней, когда он только и ви-

дел что море да море кругом. Большущие корабли уверенно бороздили воды залива, ровно настолько поддаваясь качке, насколько им позволяла их солидная стать. Если прищуриться, вообще казалось, что покачиваются они только от собственной тяжести. На их мачтах, туго натянутые встречным ветром, но иногда опадая, трепетали узкие длинные флаги. Откуда-то издали, должно быть с военного корабля, раздавались залпы салюта, а один из таких кораблей как раз проплывал неподалеку, сверкая на солнце сталью расчехленных орудий, дула которых, казалось, до блеска отполированы ветрами хоть и бурных, но победоносных странствий. Мелкие катера и лодки, различимые — по крайней мере отсюда, с порога, — лишь вдалеке, во множестве сновали между большими судами. А за всем этим, еще дальше, вздымался Нью-Йорк, глядя на Карла всей сотней тысяч глазниц своих небоскребов. Да, в этом зале нельзя было не почувствовать, где находишься.

В центре за круглым столом сидели три господина, один — корабельный офицер в голубой морской форме, двое других — портовые чиновники в черных американских мундирах. На столе перед ними стопками лежали всевозможные документы, офицер, держа наготове авторучку, сперва пробегал их глазами, чтобы уж потом передать чиновникам, которые их то прочитывали, то делали выписки, то откладывали в свои папки, а время от времени один из них, тот, что почти непрерывно прицокивал зубом, что-то диктовал другому в протокол.

За письменным столом у окна спиной к дверям сидел низенький плотный господин и рылся в толстенных гроссбухах, поочередно снимая их с массивной полки над столом, где они в строгом порядке были расставлены. Около него стоял раскрытый и, по крайней мере на первый взгляд, пустой сейф корабельной кассы.

Возле второго окна никого не было, из него-то и открывался самый красивый вид. Зато у третьего негромко беседовали два господина. Один, тоже в корабельной форме, прислонился к стене и поигрывал рукояткой шпаги. Его собеседник, стоя лицом к окну, что-то рассказывал, время от времени наклоняясь вперед и открывая часть орденов на груди офицера. Он был в штатском, с изящной бамбуковой тросточкой, которая, поскольку он держал руки на поясе, тоже оттопыривалась, как шпага.

Впрочем, у Карла было не слишком много времени все как следует разглядеть, ибо вскоре к ним подошел слуга и, глядя на кочегара невидящим взглядом, спросил, что ему тут понадобилось. Кочегар так же тихо, как его спросили, ответил, что хотел бы поговорить с господином главным кассиром. Слуга со своей стороны пренебре-

жительным жестом эту просьбу отклонил, но все же — на цыпочках, далеко огибая стороной круглый стол, — направился к господину с гроссбухами. Было очень хорошо видно, как после слов слуги тот сперва буквально застыл, потом, как бы не веря себе, обернулся на человека, осмелившегося его побеспокоить, сердито замахал руками на кочегара, а заодно, для пущей ясности, и на слугу. После чего слуга, вернувшись к кочегару, тихим, доверительным голосом сообщил:

— Немедленно убирайтесь вон!

Услышав такой ответ, кочегар только безмолвно глянул на Карла, одним этим взглядом поведав ему все невзгоды, обиды и страдания своей бессловесной души. Карл не стал долго раздумывать — сорвался с места, напрямик бросился через зал, даже слегка задев по пути кресло офицера, слуга, растопырив руки и пригнувшись, кинулся за ним, словно пытаясь изловить вредное насекомое, но Карл первым успел к столу главного кассира и крепко ухватился за край на тот случай, если слуга вздумает его оттащить.

Вокруг, разумеется, возникло легкое замешательство. Офицер от неожиданности вскочил, портовые чиновники смотрели на Карла спокойно, но с вниманием, два господина у окна придвинулись друг к другу поближе, а слуга, полагая, очевидно, что там, где уже проявили интерес господа, его вмешательство неуместно, наоборот, почтительно отступил назад. Кочегар у дверей напряженно замер, ожидая, когда понадобится его помощь. Наконец и главный кассир тоже соизволил повернуться в своем кресле.

Порывшись в потайном кармане — перед этими господами он не боялся его обнаружить, — Карл вытащил свой заграничный паспорт и вместо дальнейших представлений в раскрытом виде положил на стол. Главный кассир, похоже, не придавал документу особого значения и небрежным щелчком двух пальцев отшвырнул его в сторону, после чего Карл, посчитав, что все необходимые формальности таким образом соблюдены, спрятал паспорт обратно.

— Позволю себе заметить, — начал он, — что по отношению к господину кочегару, на мой взгляд, допущена несправедливость. Тут есть некто Шубаль, который над ним издевается. А он между тем служил на многих кораблях, если надо, он сам их все перечислит, и служил безупречно, прилежен, трудолюбив, честно выполняет свою работу, и совершенно непонятно, почему именно на вашем корабле, где служба вовсе не так тяжела, как, допустим, на торговых парусниках, он вдруг оказался непригоден. Полагаю, всему причиной только клевета и наветы, которые препятствуют его продвижению по службе и лишают его признания, которым в противном

случае он давно бы уже пользовался. Я изложил суть дела в самых общих чертах, а конкретные претензии и жалобы он вам выскажет сам.

Карл обращался с этой своей речью ко всем сразу, поскольку, во-первых, его и в самом деле все слушали, а во-вторых, найти справедливого среди многих казалось ему куда более вероятно, чем предположить этого справедливого именно в лице главного кассира. Карл к тому же схитрил, умолчал о том, что знает кочегара совсем недавно. А вообще-то, он, наверно, говорил бы еще лучше, если бы не красноватая физиономия того господина с тросточкой, — этот господин, которого он только сейчас увидел в лицо, как-то сбивал его с толку.

— Все правда, точка в точку! — громогласно заявил кочегар, хотя его никто ни о чем не спросил и даже не взглянул в его сторону.

Эта поспешность могла бы ему дорого обойтись, если бы господин в орденах — Карла только сейчас осенило, что это и есть капитан, — уже не принял для себя решение все равно кочегара выслушать. Он вытянул руку и властным, твердым голосом, которым, казалось, впору монеты чеканить, произнес:

— Подойдите сюда!

Теперь все зависело только от самого кочегара, а уж в правоте его дела Карл не сомневался ничуть.

Кочегар, по счастью, сразу показал себя в подобных вещах человеком бывалым. Сохраняя образцовое спокойствие, он деловито, одним точным движением выхватил из чемодана связку бумаг и записную книжку в придачу, после чего, разом перестав замечать главного кассира, как ни в чем не бывало направился со всем этим напрямик к капитану. Пришлось главному кассиру встать и податься туда же.

— Это же известный скандалист, — пояснил он усталым голосом. — У кассы его куда легче найти, чем в машинном отделении. Послушайте, вы! — напустился он на кочегара. — Вам не кажется, что в своей назойливости вы слишком далеко заходите! Сколько уже раз вас выпроваживали из бухгалтерии, чего вы своими вздорными и абсолютно необоснованными претензиями вполне заслужили? Сколько раз вы бегали оттуда жаловаться в главную кассу? Сколько раз вам по-хорошему объясняли, что ваш непосредственный начальник — Шубаль и вы как подчиненный обязаны иметь дело только с ним? Так нет же, теперь вы еще сюда заявились, и как раз в то время, когда здесь господин капитан, вы даже его не стыдитесь обременять вашими идиотскими дрызгами, нет, у вас еще хватило наглости подучить и привести сюда в качестве ходатая по ва-

шим мерзким делишкам этого юнца, которого я вообще в первый раз на корабле вижу.

С превеликим трудом Карл заставил себя сдержаться. Но капитан и так уже прервал главного кассира, сказав:

— Давайте все же выслушаем человека, раз такое дело. Этот Шубаль, сдается мне, что-то и впрямь стал своевольничать, что, впрочем, еще нисколько не говорит в вашу пользу.

Последнее относилось к кочегару и, разумеется, было только естественно — не станет же капитан с ходу за него вступаться, — однако пока все шло наилучшим образом. Кочегар приступил к объяснениям и с самого начала сумел пересилить себя, вежливо назвав Шубаля господином. Как переживал, как радовался за него Карл в эту минуту, стоя, всеми забытый, у стола главного кассира и от полноты удовольствия поигрывая чашечками почтовых весов! Господин Шубаль несправедлив. Господин Шубаль отдает предпочтение иностранцам. Господин Шубаль выставил его из машинного отделения и послал чистить гальюны, что уж в обязанности кочегара никак не входит. Была подвергнута сомнению даже исполнительность господина Шубаля, скорее показная, чем «всамделишная». В этом месте Карл посмотрел на капитана особенно внушительно и со значением, как на равного себе, лишь бы тот не истолковал неловкое, простецкое выражение кочегара к его невыгоде. К тому же из всех этих пространных речей трудно было уяснить что-либо по существу, и если капитан, в чьем взоре читалась твердая решимость на сей раз выслушать кочегара до конца, все еще смотрел прямо перед собой, то остальные господа стали проявлять нетерпение и рассеянность, так что вскоре голос кочегара уже не господствовал в зале безраздельно, а это был плохой знак. Первым зашевелился господин в штатском — негромко, но внятно начал постукивать тросточкой по паркету. Остальные, разумеется, уже искоса на него поглядывали, портовые чиновники — время их явно поджимало снова, пока, правда, еще как бы с отсутствующими лицами, зашуршали бумагами; офицер, понятное дело, тут же придвинулся к столу, а главный кассир, уже не сомневаясь в своей победе, с притворной иронией испускал глубокие вздохи. Только слугу, кажется, не затронул этот холодок всеобщего равнодушия, он один какой-то частицей души еще сочувствовал невзгодам бедного человека, столь беззащитного среди этих важных господ, и, глядя на Карла, серьезно кивал, будто и сам хотел что-то объяснить.

За окнами между тем шла своим чередом хлопотливая портовая жизнь: длинный плоский грузовой корабль, груженный горой бочек, уложенных, очевидно, с величайшим искусством — ни одна не

перекатывалась, — тяжело прополз мимо и на миг погрузил все помещение в полумрак; юркие моторки — Карл, будь у него побольше времени, с удовольствием бы как следует их разглядел, — послушные малейшему движению рулевого, твердо стоящего у штурвала, закладывали крутые виражи и стрелой неслись дальше; странные плавучие предметы, должно быть буи, то тут, то там как бы сами собой всплывали над беспокойными водами и, захлестнутые новой волной, мгновенно скрывались от изумленного взора; шлюпки с океанских лайнеров, повинаясь дружным и спорым усилиям налегающих на весла матросов, спешили к причалу, полные пассажиров, которые смиренно и настороженно сидели на скамейках, стиснутые, как сельди в бочке, боясь пошевелиться, и лишь немногие смельчаки, не в силах удержаться при виде переменчивых портовых декораций, с любопытством вертели головами по сторонам. И всюду движение, движение без конца, и вечное беспокойство, передавшееся от всемогущей стихии бессильным людям и творениям их неугомонных рук!

Ситуация, однако, требовала быстроты, четкости, неукоснительной ясности изложения — а что вместо этого делал кочегар? Говорил он, правда, много и с пеной у рта, но бумаги с подоконника давно уже не держались в его трясущихся руках, со всех сторон метал он в Шубаля громы и молнии, и каждого из этих обвинений по отдельности было, на его взгляд, вполне достаточно, чтобы похоронить этого Шубаля раз и навсегда, — однако, нагроможденные перед капитаном скопом, они являли собой лишь плачевную и совершенно невятную мешанину. Давно уже что-то негромко насвистывал, поглядывая в потолок, господин с тросточкой, портовые чиновники снова взяли в оборот корабельного офицера и, казалось, уже никогда его не отпустят, а главного кассира так и подмывало вмешаться и сдерживало лишь каменное спокойствие капитана. Слуга в почтительной готовности не сводил с капитана глаз, с секунды на секунду ожидая приказа выставить кочегара вон.

Нет, бездействовать дольше нельзя. И Карл медленно направился к группе, тем лихорадочнее прикидывая на ходу, как бы половчее повернуть все дело. И вовремя, очень вовремя! Еще чуть-чуть — и они с кочегаром в два счета отсюда бы вылетели. Пусть капитан и неплохой человек, к тому же именно сегодня, Карл чувствовал, по каким-то своим причинам он особенно расположен показать себя справедливым начальником, но не игрушка же он, в конце концов, чтобы вертеть им, как вздумается, а именно так, увы, и обходился с ним кочегар, правда без злого умысла, а исключительно по простоте своей безмерно возмущенной души.

И Карл сказал кочегару:

— Вам надо проще все рассказать, яснее, господин капитан не в состоянии разобраться, когда вы так рассказываете. Разве обязан он знать по фамилиям или, по давню, по именам и кличкам всех машинистов и младших матросов, которых вы тут подряд называете, как будто ему сразу ясно, о ком речь? Изложите ваши жалобы по порядку, начните с главных, а уж потом, по мере важности, переходите к менее существенным: возможно, большинство из них тогда и вовсе не понадобится упоминать. Мне-то вы всегда так складно излагали!

«Если в Америке можно красть чемоданы, то и приврать немного тоже не грех», — подумал он в оправдание себе.

Только бы помогло! Не слишком ли поздно? Кочегар, правда, едва слышав знакомый голос, тотчас же осекся, но его взгляд, затуманенный слезами попорченной мужской чести, прошлых жестоких обид, нынешней крайней безысходности, — взгляд его плохо узнавал Карла. Да и как ему, — молча глядя на него, тоже умолкшего, Карл только теперь это осознал, — как ему вдруг, ни с того ни с сего, обучиться иной, более складной речи, особенно сейчас, когда он только что — и без тени успеха — все, что можно было сказать, уже выложил, а с другой стороны, получается, вроде бы ничего еще не сказал, и нет ни малейшей надежды убедить всех этих важных господ выслушать его еще раз. И вот в такую минуту еще и Карл, единственная его подмога, принимается учить его уму-разуму, только показывая тем самым, что все, все пропало.

«Надо бы раньше мне вмешаться, чем в окно глазеть!» — подумал Карл, низко склоняя голову под взглядом кочегара и уронив руки по швам в знак того, что надеяться больше не на что.

Но кочегар все истолковал иначе, возможно, в жесте Карла ему почудились какие-то скрытые упреки, и теперь в благом намерении их опровергнуть он увенчал свои деяния еще и тем, что принялся с Карлом спорить. Это теперь-то, когда чиновники и офицер за столом уже давно не скрывали возмущения ненужным шумом, который только мешает им в их важной работе, когда главный кассир мало-помалу стал находить долготерпение капитана необъяснимым и сам уже готов был вот-вот взорваться, когда слуга, снова всецело на стороне своих хозяев, испепелял кочегара негодующим взглядом, когда, наконец, господин с тросточкой, на которого сам капитан, как бы извиняясь, — кочегар его вконец допек, больше того, он ему опротивел, — дружелюбно поглядывал, так вот, этот господин извлек из кармана маленькую записную книжечку и, видимо,

занявшись каким-то своим делом, переводил глаза с книжечки на Карла и обратно.

— Да я знаю, знаю, — приговаривал Карл, стараясь, несмотря на спор, сохранить на лице дружескую улыбку и пробиться этой улыбкой сквозь обрушившийся на него поток слов. — Вы правы, правы, я-то никогда в этом не сомневался.

Будь его воля, он бы первым делом схватил и задержал эти безостановочно мелькающие руки, ибо уже всерьез опасался ненароком получить затрещину, еще лучше было бы просто затолкать кочегара в какой-нибудь угол, где их никто бы не услышал, и там шепнуть ему несколько тихих, успокоительных слов. Но куда там — кочегар рвал и метал. Понемногу Карл даже начал черпать нечто вроде надежды в странной, но утешительной мысли, что кочегар, быть может, сумеет убедить присутствующих одной только силой своего отчаяния. А кроме того, он успел заметить на одном из столов пульт управления с множеством кнопок — в случае чего одного нажатия ладони будет достаточно, чтобы в бесконечных коридорах этого корабля, переполненного чужими, враждебными людьми, поднялся невообразимый переполох.

Но тут господин с тросточкой, прежде столь ко всему безучастный, вдруг приблизился к Карлу и не слишком громко, но даже сквозь крик кочегара вполне отчетливо спросил:

— А вас, собственно, как зовут?

В ту же секунду, будто кто-то только и ждал этих слов, в дверь постучали. Слуга вопросительно посмотрел на капитана, тот кивнул. Лишь тогда слуга пошел к двери и распахнул ее. На пороге, в потертом армейском кителе, стоял человек среднего сложения, неприметной наружности, в которой ничто не выдавало ни особой склонности, ни причастности к машинам, и тем не менее это был — да, Шубаль. Если бы Карл тотчас не догадался об этом по выражению удовлетворенного злорадства в глазах всех присутствующих, — увы, даже капитана оно не обошло, он все равно, к ужасу своему, понял бы это по виду кочегара: тот с такой яростью стиснул кулаки, что, казалось, нет для него сейчас ничего важнее этого неистового усилия, ради которого он готов пожертвовать всем на свете. Именно там, в кулачищах, сосредоточились все его силы, похоже, даже те, что вообще удерживали его на ногах.

Так вот он, значит, враг, самоуверенный и коварный, даже приодевшийся, с папкой под мышкой, там, наверно, платежные ведомости и табель кочегара, — стоит как ни в чем не бывало и с наглой беззастенчивостью заглядывает в глаза всем по очереди, чтобы первым делом уяснить, кто и как в данный момент к нему относится.

Эти семеро, конечно, уже на его стороне, хоть у капитана и были, а может, только начинали появляться на его счет кое-какие сомнения, но теперь, после всего, что он от кочегара вытерпел, капитан, похоже, ни малейших претензий к Шубалю не имеет. С такими, как кочегар, любой строгости мало, а Шубалья если в чем и можно упрекнуть, то лишь в одном — что так и не сумел обломать этого кочегара до конца и тот даже набрался наглости к нему, капитану, сегодня заявиться.

Оставалось, впрочем, надеяться, что контраст между кочегаром и Шубалем, своей разительностью достойный внимания и куда более высокого форума, не укроется и от присутствующих, ибо этот Шубаль хоть и мастак притворяться, но рано или поздно все равно не сдержится и чем-нибудь себя выдаст. Одной малюсенькой вспышки его подлости будет достаточно, а уж о том, чтобы господа ее заметили, Карл позаботится. Он ведь уже успел наскоро оценить слабости, причуды, меру проницательности каждого, и с этой точки зрения время, проведенное здесь, потрачено вовсе не зря. Если бы еще кочегар держался получше, но он, похоже, уже совсем не боец. Казалось, подведи, подай ему сейчас этого Шубалья — и он своими кулачищами расколлет эту ненавистную черепушку, как гнилой орех. Но вот сделать хотя бы шаг навстречу своему врагу он, видимо, уже вряд ли способен. И как это Карл не предусмотрел такую очевидную и легко предсказуемую вещь — рано или поздно, не по собственному почину, так по вызову капитана, Шубаль, конечно же, неминуемо должен был явиться! Почему по дороге сюда они с кочегаром не обсудили точный план боевых действий, вместо того чтобы сдуру, на ура, без всякой выучки и подготовки ломиться в дверь, как они это сделали? В силах ли кочегар вообще говорить, хотя бы отвечать «да» или «нет», если это потребуется на перекрестном допросе, который — впрочем, лишь при самом благоприятном обороте дела — его еще ждет? Он и так еле стоит, ноги расставлены, в коленях дрожь, голова чуть запрокинута, а раскрытый рот с таким присвистом втягивает воздух, будто в груди у него вместо легких испорченный, дырявый насос.

Сам-то Карл ощущал в себе столько сил и такую ясность мыслей, как, пожалуй, никогда прежде — даже там, дома. Видели бы сейчас родители, как их сын в чужой стране перед этими важными лицами смело отстаивает добро, и пусть пока не довел дело до победы, но готов биться до последнего. Что бы они теперь о нем сказали? Похвалили бы, обласкали, усадили бы между собой? Взглянули бы хоть раз, один лишь разок в его любящие, преданные глаза? Пустые вопросы, и самое неподходящее время о них гадать!

— Я пришел, поскольку полагаю, что кочегар обвинил меня в каких-то махинациях. Девушка с кухни сказала мне, что видела, как он сюда направляется. Господин капитан и вы все, господа, с записями в руках, а если понадобится, то и с помощью непредвзятых и беспристрастных свидетелей, которые ждут за дверью, я готов опровергнуть любые обвинения.

Так начал Шубаль. Во всяком случае, это была ясная, осмысленная человеческая речь, и по изменениям в лицах слушателей можно было подумать, что они впервые за долгое время снова слышат членораздельные звуки человеческого голоса. И не заметили, между прочим, что даже в этой распрекрасной речи имеются прорехи! Почему, едва приступив к сути дела, Шубаль сам, первым, заговорил о «махинациях»? Может, именно на этом, а вовсе не на его национальных пред-рассудках стоило сосредоточить обвинение? Девушка с кухни видела, как кочегар сюда направляется, а Шубаль так сразу и смекнул, что к чему? Что же еще, как не боязнь разоблачения, так обострило его чутье? И свидетелей сразу притащил, да еще не постеснялся назвать их «непредвзятыми и беспристрастными»! Надувательство, чистейшей воды надувательство, а господа все это терпят и даже считают, видимо, приличным поведением! Зачем, спрашивается, Шубаль упустил так много времени от разговора с девушкой до своего прихода сюда? Да с одной только подлой целью — дожидаться, покуда кочегар настолько утомит слушателей, что те утратят способность рассуждать здраво, а именно здравых рассуждений Шубаль и опасается больше всего! Разве не стоял он сперва — и наверняка долго стоял — под дверью, разве не постучался лишь в ту минуту, когда услышал посторонний вопрос того господина и понадеялся, что с кочегаром покончено?

Тут все ясней ясного, и Шубаль, сам того не желая, это только подтвердил, но господам, видимо, надо растолковать это иначе, нагляднее. Надо их встряхнуть хорошенько. Ну же, Карл, живей, не упусти хотя бы эту минуту, пока не ввалились свидетели и не нагородили бог весть чего.

Но капитан взмахом руки остановил Шубаля — тот, мигом смекнув, что с его делом решили повременить, тут же отступил в сторону и завел тихую, но оживленную беседу с немедленно примкнувшим к нему слугой, в ходе коей беседы не обошлось без косых взглядов в сторону Карла и кочегара, равно как и без самой недвусмысленной жестикуляции. Похоже, Шубаль репетировал свою следующую, теперь уже большую речь.

— Вы о чем-то хотели спросить молодого человека, не так ли, господин Якоб? — во всеобщей тишине обратился капитан к господину с тросточкой.

— Совершенно верно, — отозвался тот, с легким поклоном поблагодарив за внимание. И снова спросил у Карла: — Как все-таки вас зовут?

Карл, полагая, что в интересах главного дела лучше уж поскорее отвязаться от этого настырного господина с его вопросами, ответил коротко, не предъявляя, вопреки своему обыкновению, паспорта, за которым еще надо было лезть:

— Карл Росман.

— Позвольте, — вымолвил тот, кого величали господином Якобом, и со слабой улыбкой, как бы не веря себе, слегка попятился. Станным образом и капитана, и главного кассира, и даже слугу имя Карла повергло в крайнее изумление. Лишь портовые чиновники и Шубаль не выказали по этому поводу никаких чувств.

— Позвольте, — повторил этот господин Якоб и медленным, как бы даже торжественным шагом направился к Карлу. — Но тогда, выходит, я твой дядя Якоб, а ты, значит, мой дорогой племянник! Я так и чувствовал, что это он! — сказал он капитану, прежде чем обнять и расцеловать Карла, который оторопело ему это позволил.

— А вас как зовут? — спросил Карл, когда его выпустили из объятий, спросил хоть и очень вежливо, но как-то отрешенно, сиюсь предугадать, какими последствиями это новое событие может обернуться для кочегара. Пока что не похоже, чтобы Шубаль на этом что-то мог выгадать.

— Да вы поймите, молодой человек, свое счастье! — воскликнул капитан, посчитав, вероятно, что вопрос Карла каким-то образом задевает достоинство такой важной особы, как господин Якоб, который тем временем отошел к окну и отвернулся, дабы не показывать остальным свое взволнованное лицо и вдобавок осушая его носовым платком. — Это же сенатор Эдвард Якоб, он согласился признать себя вашим дядей. Теперь вас ждет, полагаю, вопреки всем вашим прежним ожиданиям, самая блестящая карьера. Попытайтесь же это осознать, насколько это вообще возможно в первые минуты, и соберитесь.

— Вообще-то, у меня есть дядя в Америке, — сказал Карл, глядя на капитана. — Но, сколько я понял, Якоб — это ведь фамилия господина сенатора?

— Именно так, — подтвердил капитан, все еще не понимая, в чем дело.

— Ну вот, а моего дядю, брата моей матери, Якобом зовут по имени, а фамилия у него, конечно, должна быть та же, что у моей матери, урожденной Бендельмайер.

— Что, господа, какво! — воскликнул сенатор, бодро возвращаясь с места своей кратковременной передышки и, видимо, имея в виду заявление Карла.

Все, исключая портовых чиновников, дружно рассмеялись — одни с умилением, другие как-то неопределенно.

«Ничего такого особенно смешного я вроде бы не сказал», — подумал Карл.

— Господа! — вновь воскликнул сенатор. — Против воли — и моей, и вашей — вы стали соучастниками небольшой семейной сцены, а посему считаю своим долгом дать вам необходимые разъяснения, поскольку, как я понимаю, лишь господин капитан — упоминание о капитане имело следствием взаимный поклон — осведомлен о деле полностью.

«Теперь надо и впрямь следить за каждым словом», — сказал себе Карл и несколько приободрился, краем глаза успев заметить, что кочегар начинает подавать слабые признаки жизни.

— Долгие годы моего пребывания в Америке, — впрочем, слово «пребывание» не слишком подобает американскому гражданину, а я всей душой американский гражданин, — так вот, все эти долгие годы я живу совершенно обособленно от моей европейской родни, по причинам, которые, во-первых, к делу не относятся, а во-вторых, рассказ о них увел бы нас слишком далеко. Я даже слегка побаиваюсь той минуты, когда вынужден буду поведать о них моему дорогому племяннику, и уж тогда, к сожалению, нам не избежать разговора начистоту и о его родителях, и об остальных сородичах.

«Да, несомненно, это мой дядя, — подумал Карл и стал слушать еще внимательней. — Должно быть, он изменил фамилию».

— Родители моего дорогого племянника, — давайте назовем вещи своими именами, — попросту решили от него избавиться, как избавляются от надоевшей кошки, вышвыривая ее за дверь. Этим я вовсе не хочу приукрасить поступок моего племянника, за который он был так жестоко наказан, — приукрашивать вообще не в обычаях американцев, — однако провинность его такого свойства, что одно лишь ее название содержит в себе достаточно поводов и причин ее простить.

«Говорит он, конечно, складно, — подумал Карл, — но я не хочу, чтобы он всем это рассказывал. Да и не может он всего знать. Как, откуда? Но погоди, вот посмотришь, он все знает лучше всех».

— Просто-напросто, — продолжал дядя, опершись на бамбуковую трость и слегка покачиваясь взад-вперед, чем ему и впрямь удалось лишить свой рассказ чрезмерной напыщенности, которая в противном случае была бы неизбежна, — просто-напросто его соблаз-

нила служанка, Иоганна Бруммер, особа лет тридцати пяти. Говоря «соблазнила», я вовсе не хочу оскорбить чувства моего племянника, но, право же, более подходящее слово я просто затрудняюсь подобрать.

Карл, уже довольно близко подошедший к дяде, в этом месте его рассказа резко обернулся, чтобы видеть лица присутствующих. Нет, никто не смеется, все слушают терпеливо и серьезно. Да и нельзя, в самом деле, смеяться над племянником сенатора при первом удобном случае. Скорее уж, пожалуй, кочегар, но и тот едва заметно улыбается Карлу, что, во-первых, отрадно само по себе как еще один признак жизни, а во-вторых, вполне простительно, поскольку в разговоре с ним Карл пытался покрыть эту историю завесой тайны, а теперь вот она оглашена во всеуслышание.

— Так вот, эта самая Бруммер, — продолжил дядя, — забеременела от моего племянника и родила превосходного мальчика, окрестив его Якобом, несомненно, в честь вашего покорного слуги, который — даже по упоминаниям моего племянника, наверняка случайным и несущественным, — произвел на девушку большое впечатление. Добавлю от себя — по счастью. Ибо родители моего племянника во избежание уплаты алиментов и, видимо, прочих грозивших им скандальных неприятностей, — придется подчеркнуть, что мне не слишком известны как тамошние законы, так и особые семейные обстоятельства, помню только два давних нищенских письма от родителей мальчика, которые я хоть и оставил без ответа, но все время хранил, чем, кстати говоря, и исчерпывается вся наша, к тому же односторонняя, переписка за все эти годы, — итак, поскольку родители во избежание уплаты алиментов и скандала попросту посадили своего сына, моего дорогого племянника, на корабль и отправили в Америку, снарядив его, как нетрудно заметить, для такого путешествия непростительно безответственно и скудно, то мальчик, брошенный на произвол судьбы, полагаю, затерялся бы и погиб в первом же портовом переулке Нью-Йорка, если бы не чудеса и счастливые совпадения, возможные только в Америке и больше нигде, и если бы не та служанка, ибо она в отправленном на мое имя письме, которое после долгих блужданий лишь вчера попало в мои руки, поведала всю историю, подробно указав в конце приметы моего племянника, а также — что было весьма предусмотрительно — и название корабля. Если бы мне вздумалось поразвлечь вас, господа, я не преминул бы зачитать избранные отрывки из этого послания. — Тут он вынул из кармана два огромных, убористо исписанных листа и помахал ими в воздухе. — Оно, несомненно, возымело бы успех, ибо написано с простоватой, но подкупающей хитростью и испол-

нено неподдельной любви к отцу ее ребенка. Но я не хочу ни развлекать вас дольше, чем это надобно для необходимого разъяснения, ни тем паче, особенно в первые минуты встречи, бередить, возможно, еще не угасшие чувства моего племянника — он, если пожелает, сможет в назидание себе прочесть это письмо в тиши своей комнаты, которая его уже ждет.

Но у Карла не было никаких таких чувств к этой служанке. В суете и сумятице уходящих в безвозвратное прошлое дней она так и осталась где-то там, на кухне, где она сидела возле буфета, локтями опершись на его нижнюю тумбу. Она смотрела на Карла, когда он изредка заходил на кухню — отнести отцу стакан воды или по каким-то маминым поручениям. Иногда, примостившись в неловкой позе все у того же буфета, она сочиняла письмо и, поглядывая на Карла, казалось, черпает вдохновение в его лице. А часто просто сидела, прикрыв глаза рукой, и тогда обращаться к ней было совершенно бесполезно. Бывало, Карл мимоходом и не без испуга замечал в приоткрытую дверь, как она молится в своей каморке, стоя на коленях перед деревянным распятием. В иные же дни она металась по кухне, как ведьма, и с жутким смехом отскакивала, если Карл попадался ей на дороге. Или вдруг, стоило Карлу зайти на кухню, закрывала дверь и, прислонившись к ней спиной, до тех пор держала ручку, пока Карл сам не потребует его пропустить. Порой зачем-то приносила Карлу какие-то безделушки, совершенно ему не нужные, и молча совала в руку. Но однажды она вдруг сказала: «Карл!» — и со странными вздохами и ужимками повела его, все еще изумленного столь неожиданным обращением, в свою каморку, дверь которой тут же заперла. Там она обхватила его за шею и стала душить в объятиях, зачем-то упрасывая Карла ее раздевать и при этом раздевая его, потом уложила в свою постель, словно решив отныне никому его не отдавать и нежить и лелеять его до скончания века. «Карл, о мой Карл!» — восклицала она, будто видит его впервые в жизни и хочет навсегда оставить в своем владении, в то время как он ровным счетом ничего не видел, ему было жарко и тесно под кучей подушек и одеял, которую она, похоже, заранее приготовила и теперь на него навалила. Потом она сама легла к нему и все допытывалась о каких-то тайнах, а он ничего не мог ей на это ответить, и она сердилась на него не то в шутку, не то всерьез, тормошила его, слушала его сердце, предлагала послушать свое, пытаясь притянуть его голову к своей груди, но Карл так и не дал ей этого сделать, прижималась к его телу голым животом и до того отвратительно шарилась у него между ногами, что Карл уже почти было выбрался из-под подушек, но тут она несколько раз как-то по-особенному ткнулась в него животом.

СОДЕРЖАНИЕ

АМЕРИКА. <i>Перевод М. Рудницкого</i>	5
ПРОЦЕСС. <i>Перевод Р. Райт-Ковалевой, Г. Снежинской</i>	229
ЗАМОК. <i>Перевод Р. Райт-Ковалевой</i>	421
ПРЕВРАЩЕНИЕ. <i>Перевод С. Анта</i>	661
РАССКАЗЫ	
Созерцание. <i>Перевод Ю. Архипова</i>	707
Дети на улице	707
Разоблачение шаромыжника	709
Внезапная прогулка	711
Решительности	711
Прогулка в горы	712
Холостяцкое несчастье	712
Коммерсант	713
Рассеянный взгляд в окно	714
По пути домой	714
Пробегающие мимо	715
Пассажир	715
Платья	716
Отказ	716
Памятка для всадника	717
Уличные окна	717
Желание стать индейцем	718
Деревья	718
Быть несчастным	718
Приговор. <i>Перевод Г. Ноткина</i>	721
Когда строилась Китайская стена. <i>Перевод Г. Ноткина</i>	731
Описание одной борьбы. <i>Перевод С. Анта</i>	742
Свадебные приготовления в деревне. <i>Перевод С. Анта</i>	777
Большой шум. <i>Перевод С. Анта</i>	792
Деревенский учитель (Гигантский крот). <i>Перевод Г. Ноткина</i>	793
Блюмфельд, старый холостяк. <i>Перевод С. Анта</i>	805

СОДЕРЖАНИЕ

Егерь Гракх. <i>Перевод Г. Ноткина</i>	824
Всадник на ведре. <i>Перевод Г. Ноткина</i>	828
Воззвание. <i>Перевод С. Анта</i>	830
Мост. <i>Перевод С. Анта</i>	831
Сосед. <i>Перевод С. Анта</i>	832
Химера. <i>Перевод Г. Ноткина</i>	833
Новые лампы. <i>Перевод Г. Ноткина</i>	835
Железнодорожные пассажиры. <i>Перевод С. Анта</i>	836
Обыкновенная история. <i>Перевод С. Анта</i>	837
Правда о Санчо Пансе. <i>Перевод С. Анта</i>	837
Молчание сирен. <i>Перевод С. Анта</i>	838
Содружество подлецов. <i>Перевод С. Анта</i>	839
Прометей. <i>Перевод С. Анта</i>	839
В исправительной колонии. <i>Перевод С. Анта</i>	840
Возвращение домой. <i>Перевод С. Анта</i>	864
Городской герб. <i>Перевод С. Анта</i>	864
Посейдон. <i>Перевод Г. Ноткина</i>	865
Ночью. <i>Перевод Г. Ноткина</i>	866
Отказ. <i>Перевод Г. Ноткина</i>	867
К вопросу о законах. <i>Перевод Г. Ноткина</i>	871
Набор рекрутов. <i>Перевод С. Анта</i>	873
Экзамен. <i>Перевод С. Анта</i>	875
Коршун. <i>Перевод Г. Ноткина</i>	876
Рулевой. <i>Перевод Г. Ноткина</i>	877
Волчок. <i>Перевод Г. Ноткина</i>	878
Басенка. <i>Перевод С. Анта</i>	878
Отъезд. <i>Перевод С. Анта</i>	878
Защитники. <i>Перевод С. Анта</i>	879
Супружеская чета. <i>Перевод С. Анта</i>	881
Комментарий (Не надейся!). <i>Перевод С. Анта</i>	885
О притчах. <i>Перевод С. Анта</i>	885
В нашей синагоге. <i>Перевод С. Анта</i>	886
ЛАБИРИНТ. <i>Перевод Ю. Архипова</i>	889
СЕЛЬСКИЙ ВРАЧ. <i>Перевод Ю. Архипова</i>	
Новый адвокат	919
Сельский врач	919
На галерке	924
Старинная грамота	925
Перед законом	927

СОДЕРЖАНИЕ

Шакалы и арабы	928
Посещение шахты	931
Соседняя деревня	933
Императорское послание	933
Заботы главы семейства	934
Одиннадцать сыновей	935
Братоубийство	939
Сновидение	941
Отчет для академии	943
ИССЛЕДОВАНИЯ ОДНОЙ СОБАКИ. <i>Перевод Ю. Архипова</i>	951
ГОЛОДАРЬ. <i>Четыре истории. Перевод Ю. Архипова</i>	
Первое несчастье	987
Маленькая женщина	989
Голодарь	990
Певица Жозефина, или Мышинный народец	998
АФОРИЗМЫ. <i>Перевод Ю. Архипова</i>	
Размышления об истинном пути	1013
Он. <i>Записки 1920 года</i>	1027
В дополнение к записям «Он»	1034
ПИСЬМО ОТЦУ. <i>Перевод Е. Кацевой</i>	1037
ЗАВЕЩАНИЕ. <i>Перевод Е. Кацевой</i>	1079

Кафка Ф.

К 30 Замок. Превращение. Процесс : Полное собрание сочинений / Франц Кафка ; пер. с нем. С. Апта, Е. Кацевой, Р. Райт-Ковалевой и др. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 1088 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-18018-5

Франц Кафка — один из крупнейших писателей XX века, самых читаемых и самых загадочных. Его произведения поначалу публиковались ничтожными тиражами, которые к тому же распродавались с трудом. Ныне они расходятся по свету миллионами экземпляров. Кафка создал неповторимую художественную вселенную, завораживающую собственной уникальностью, вселенную, где герои переживают странные приключения, больше похожие на бесконечные, фантастические сновидения...

УДК 821.112.2(436)
ББК 84(4Авс)-44

Литературно-художественное издание

ФРАНЦ КАФКА
ЗАМОК
ПРЕВРАЩЕНИЕ
ПРОЦЕСС

Полное собрание сочинений

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Елена Шнитникова, Анна Быстрова,
Татьяна Бородулина

Подписано в печать 28.02.2020. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 68. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ILN-26587-01-R

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
АЗБУКА-АТТИКУС

В состав Издательской Группы
входят известнейшие российские издательства:
«Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри».

Наши книги — это русская и зарубежная классика,
современная отечественная и переводная
художественная литература, детективы, фэнтези,
фантастика, pop-fiction, художественные
и развивающие книги для детей,
иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям
знаний, историко-биографические издания.

Узнать подробнее о наших сериях и новинках
вы можете на сайте

www.atticus-group.ru

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг,
узнать о различных мероприятиях и акциях,
а также заказать наши книги через интернет-магазины.

 ИЗОСТРАНКА

 АЗБУКА

 КОЛИБРИ

 Machaon

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/